

С.В.Голунов

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ «ХАЛИФАТ» КАК КВАЗИГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Сергей Валерьевич Голунов — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник группы по исследованию проблем мира и конфликтов Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова (ИМЭМО РАН). Для связи с автором: sgolunov@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка концептуального осмысления «халифата», созданного запрещенной в России террористической группировкой «Исламское государство» (ИГ), сквозь призму феномена непризнанного государства. Сопоставляя «халифат» с основной массой существующих сегодня непризнанных государств, автор концентрирует внимание на территориальной идентичности «халифата» ИГ, роли военного фактора в его становлении, особенностях его внутренней политики и специфике отношений с внешним миром.

Проведенный автором анализ позволяет квалифицировать «халифат» ИГ как во многом уникальное для современной системы международных отношений образование. В отличие от других непризнанных государств он не стремился к интеграции в международное сообщество и открыто бросал ему вызов, посягая на нерушимость межгосударственных границ, организуя террористические атаки за рубежом и открыто игнорируя общепринятые гуманитарные нормы. Отвергая модель национального государства, «халифат» отказывался идентифицировать себя с фактически контролируемой территорией и не только не прилагал усилий для создания из ее населения гражданской нации, но и подчеркивал свой «исламский космополитизм». На протяжении всей недолгой истории его существования траектория государственного строительства в нем во многом определялась милитаризацией и радикальной исламистской идеологией. Вместе с тем, подобно другим непризнанным государствам, «халифату» пришлось решать широкий спектр проблем, связанных с организацией управления на подконтрольных территориях и смягчением последствий отсутствия международного признания.

Ключевые слова: «Исламское государство», халифат, терроризм, непризнанное государство, квазигосударство

Созданный запрещенной в России террористической группировкой «Исламское государство» (ИГ) в 2014 г. и фактически просуществовавший до 2017 г. «халифат» представлял собой нетипичное квазигосударственное образование, даже если абстрагироваться от непризнания его ООН и какими-либо отдельными странами. В отличие от остальных непризнанных государств, «халифат» не стремился к интеграции в международное сообщество и открыто бросал ему вызов, посягая на нерушимость межгосударственных границ, организуя террористические атаки за рубежом и открыто игнорируя общепринятые гуманитарные нормы. Вместе с тем ему, как и другим непризнанным государствам, приходилось решать разноплановые задачи государственного строительства на подконтрольных территориях, выстраивая при этом стратегию адаптации к издержкам международного непризнания.

В настоящей работе предпринята попытка концептуального осмысления феномена «халифата» ИГ в сравнении с иными непризнанными государствами, которым посвящено уже немало исследований. В первом разделе будут рассмотрены термины, употребляемые для обозначения государственных образований, независимый статус которых не признан ООН, а также вопрос о соответствии «халифата» международно-правовым критериям государственности. Во втором разделе мы проанализируем феномен территориальной идентичности «халифата», в третьем — роль военного фактора в его становлении. В четвертом разделе речь пойдет об особенностях внутренней политики джихадистского квазигосударства, в пятом — о специфике его отношений с внешним миром.

**«Халифат» ИГ
как непризнанное
квази-
государственное
образование**

Для обозначения не признанных международным сообществом политических образований, объявивших себя независимыми государствами или фактически обладающих верховным суверенитетом на своей территории без формального провозглашения независимости, используются различные термины¹. Чаще всего подобные образования характеризуются как «de facto государства», несколько реже — как «непризнанные государства», причем во многих случаях эти термины рассматриваются как синонимы. Иногда употребляются другие термины, такие как «квазигосударство», «псевдогосударство», «парагосударство», «оспариваемое государство», «сепаратистское государство», «неформальное государство» и «протогосударство»².

¹ Caspersen 2012.

² См. Pegg 2018.

Применительно к «халифату» ИГ исследователи неохотно используют термины «de facto государство» и «непризнанное государство», отдавая предпочтение термину «протогосударство»³. Как представляется, подобный терминологический выбор во многом объясняется желанием отграничить столь девиантное политическое образование от тех, что стремятся интегрироваться в систему международных отношений. Играет свою роль и крайняя непродолжительность существования «халифата». Проблема, однако, в том, что понятие «протогосударство»

³ Cronin 2015.

предполагает явную незавершенность государственного строительства, фиксируемую на основе неких четких критериев, тогда как в случае «халифата» такие критерии обычно не упоминаются. С учетом вышесказанного в данном контексте логичнее говорить о «квазигосударстве». Основной термин иногда дополняется определением, подчеркивающим ключевое значение религиозного радикализма в процессе государственного строительства, например «теократическое протогосударство» или «джихадистское de facto государство»⁴.

⁴ См., напр. Özbek and Yağış 2018: 24.

Девиантность «халифата» ИГ в сочетании с многозначностью обычно переводимого как «государство» арабского слова الدولة, *ад-даулят* (на арабском языке полное название ИГ — الإسلامية الدولة, *ад-даулят аль-исламийя*) побудила некоторых исследователей поставить под сомнение правомерность квалификации этого образования как государственного. По их мнению, ИГ следует трактовать скорее как «антигосударство», целью которого является уничтожение государственности как таковой ради достижения всемирного внегосударственного «процветания» (одно из значений слова «даулят») мусульманской общины⁵.

⁵ Каспэ 2018: 18.

Подобная точка зрения нам кажется излишне радикальной. Как известно, ИГ позиционировало себя не только как «ад-даулят», но и как «халифат», что, в свою очередь, предполагало наличие определенных атрибутов государства⁶. «Халифат» ИГ обладал централизованным аппаратом управления подконтрольными территориями, выпускал собственную валюту и даже рекламировал некоторые учреждения (в частности, в системе здравоохранения), созданные по образу и подобию аналогичных учреждений западных стран.

⁶ Bennett 2015.

Что касается термина «даулят», то он использовался в мусульманском мире в довольно узком, хотя и менявшемся смысле. Согласно видному британскому востоковеду Бернарду Льюису, это слово в значении «перемена» или «очередь» устойчиво вошло в политический оборот во времена халифата Аббасидов, фактически обозначая данную династию. Только в XIX в. его доминирующим значением стало «государство», в том числе и не мусульманское⁷. И хотя некоторые исследователи считают, что ИГ было ближе по духу именно «аббасидское» толкование «даулята»⁸, нам представляется вполне вероятным, что идеологи группировки вкладывали в него современный смысл, более понятный массе потенциальных сторонников.

⁷ Rosenthal 1965; Lewis 1988: 34–36.

⁸ Кузнецов 2015.

По мнению ряда исследователей, сама идея «исламского государства» возникла в политических условиях XX в. и не имеет аналогов в отдаленном прошлом⁹. Некоторые авторы обращают внимание на то, что принципы построения «халифата» ИГ во многом совпадают с теми, которые описывал основоположник концепции «исламского государства» известный мусульманский просветитель, философ и государственный деятель Абуль-Ала Маудуди. Действительно, «исламское государство» Маудуди строилось по модели халифата, черпало легитимность от Бога (а не от народа), предполагало универсалистское «гражданство в исламе»¹⁰, предписывало дискриминацию иноверцев и т.д.

⁹ См., напр. *Islamic State s.a.*

¹⁰ McDonald 2014.

Особенно важной здесь представляется установка на «гражданство в исламе». Подобно «исламскому государству» Маудуди, «халифат» не стремился построить гражданскую нацию, а идентифицировал себя с неделимой по территориальному либо этническому признаку исламской религиозной общиной — уммой. Порожденное практическими потребностями текущего момента оформление государственности отнюдь не означало согласия с существующим миропорядком и готовности ограничиться фактически контролируруемыми территориями¹¹.

¹¹ Кузнецов 2015.

Одним из часто обсуждаемых является вопрос о степени соответствия «халифата» формальным критериям, гипотетически открывавшим возможность для признания его полноценным государством. Следует иметь в виду, что со строго формальной точки зрения международные преступления и внутренние репрессии не могут рассматриваться как непреодолимое препятствие для такого признания. В соответствии с Конвенцией Монтевидео 1933 г., для включения в число субъектов международного права государственному образованию достаточно обладать постоянным населением, определенной территорией, правительством и способностью вступать в отношения с другими государствами.

«Халифат» этим критериям отчасти отвечал. При всей нестабильности состава подвластных ему территорий, на протяжении нескольких лет он контролировал обширные районы Сирии и Ирака, где постоянно проживало несколько миллионов человек. Имелось у него и нечто вроде правительства, занимавшееся не только подавлением, но и решением экономических и социальных задач. Гораздо хуже обстояло дело с включением в международные отношения, поскольку публичная коммуникация «халифата» с легитимными государствами практически отсутствовала. В то же время аналитики допускали, что в случае дальнейших военно-политических успехов ИГ таким государствам пришлось бы вступить с ним в переговоры¹².

¹² Shany, Cohen, and Mimran 2014.

Впрочем, при любых обстоятельствах шансы подобных «халифату» ИГ политических образований добиться признания выглядят на сегодняшний день минимальными. Конвенция 1933 г. во многом устарела, и в нынешних условиях международное сообщество, как правило, очень неохотно идет на признание самопровозглашенных государств. Главным фактором в данном случае является не столько соответствие формальным критериям, сколько единодушная позиция постоянных членов Совета Безопасности ООН¹³. Соблюдение международных норм хотя и не входит в число базовых условий признания, на практике имеет решающее значение: трудно себе представить, чтобы явно нарушающее такие нормы политическое образование могло заручиться поддержкой со стороны всех ключевых членов Совета Безопасности.

¹³ См., напр. Pegg 2018.

**Территориальная
идентичность
и территориальный
контроль**

Территория самопровозглашенного государства имеет ряд существенных отличий от территории государства признанного. Если границы последнего защищены международным правом, то на границы *de facto* государства принцип неприкосновенности не распространяется. Формально его территория считается частью территории материнского государства, которое вправе претендовать на восстановление своей территориальной целостности. Вместе с тем, как показывает опыт постсоветского пространства, непризнанное государство может относительно безнаказанно расширять свою территорию за счет материнского, при этом рассматриваясь международным сообществом в качестве не агрессора, а участника внутреннего конфликта.

«Халифат» ИГ был создан за счет территорий сразу двух государств — Ирака и Сирии. Границы подвластной ему территории, по сути, представляли собой линию фронта, смещаясь в зависимости от военных успехов противоборствовавших сторон. На пике своих побед в 2014 г. «халифат», по некоторым оценкам, контролировал территорию в 105 тыс. км², на которой проживало примерно 10 млн человек. Однако уже к зиме 2016—2017 гг. его территория сократилась до 45 тыс. км², а подконтрольное население — до 2,5 млн человек¹⁴.

Территориальная идентичность «халифата» в глазах его руководства отнюдь не ограничивалась занятыми районами, и достигнутые рубежи считались лишь шагом к построению всемирного исламского государства. Само переименование «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) в ИГ в связи с провозглашением халифата летом 2014 г. имело целью избавиться от географической привязки к конкретному региону. Представления сторонников ИГ о пределах его территориального расширения варьировали: одни рассчитывали на глобальную победу ислама, другие готовы были удовольствоваться исламским миром в границах мусульманских империй прошлого (в состав которых, напомним, входили в том числе Испания и основная часть Индии)¹⁵.

Промежуточным этапом на пути к территориальной экспансии выступала экспансия идеологическая. Влияние «халифата» распространялось далеко за пределы Ирака и Сирии. Лояльные ему радикальные исламистские группировки контролировали относительно обширные районы в Афганистане, Ливии и Нигерии¹⁶. Некоторые из действовавших в этих и других странах (в том числе в кавказских республиках РФ) группировок, присягнув ИГ, включили упоминание о нем в свои названия, а в ряде случаев даже стали определять себя как «вилайяты» (провинции), поступив в формальное подчинение Управлению удаленных провинций администрации «халифата».

Сочетание традиционных методов контроля над «территориальным ядром» в Сирии и Ираке с поддержкой транснациональных подрывных сетей за пределами «ядра» и небезуспешной вербовкой сторонников по всему миру заставляет усомниться в адекватности представления о том, что «халифат» ИГ был ориентирован исключительно

¹⁴ Jones et al. 2017.

¹⁵ См., напр. Сажин 2019.

¹⁶ Федорченко и Крылов 2015: 175.

на воссоздание прошлого. Более того, некоторые авторы видят в нем скорее постмодернистский, нежели традиционалистский проект, свидетельствующий о способности религиозных экстремистов использовать современные методы транснациональной сетевой организации для подорыва государствоцентричного миропорядка¹⁷.

¹⁷ Mishra 2015.

**Война
как фактор
образования
и развития
«халифата»**

Война традиционно считается одним из значимых факторов государственного строительства, поскольку она требует мобилизации ресурсов, построения иерархической вертикали, организации снабжения, управления людьми и территориями, выстраивания действенной пропаганды¹⁸. По заключению Чарльза Тилли, в данном процессе важен стабильный контроль над территорией и населением, доступ к товарам и услугам, концентрация средств насилия и способность извлекать ресурсы из подвластного населения¹⁹. В случае завоевателей и мятежных группировок существенную роль может играть захват «неперемещаемых» природных ресурсов (например, месторождений нефти и газа), эффективная эксплуатация которых невозможна без установления устойчивого территориального контроля²⁰.

¹⁸ Iskandaryan 2015.

¹⁹ Tilly 1992: 17–28.

²⁰ Le Billon 2001.

«Халифат» ИГ возник на стыке между Сирией и Ираком вследствие их ослабления под влиянием нарастающей внутренней нестабильности. Особое значение в ходе его образования имели процессы, происходившие в Ираке. После свержения режима Саддама Хусейна, опиравшегося на суннитское меньшинство, там пришли к власти представители шиитского большинства, начавшие проводить политику, направленную на закрепление доминирования своих единоверцев в ущерб суннитам и другим меньшинствам. Одной из составляющих этой политики было жесткое преследование руководства и активистов партии «Баас», правившей в Ираке во времена Хусейна.

ИГ, оформившееся в 2000-е годы как радикальная исламистская организация (с октября 2006 по март 2013 г. — «Исламское государство Ирака», с апреля 2013 по июнь 2014 г. — ИГИЛ), первоначально было не более чем одной из экстремистских групп, претендовавших на лидерство в иракском антиправительственном движении. Однако в 2010-х годах ему удалось превзойти конкурентов по эффективности действий. С 2011 г. в условиях обострения разногласий с «Аль-Каидой» оно перешло на самофинансирование за счет грабежей, рэкета и захвата заложников²¹, что означало более систематическое использование территории для извлечения средств на военные нужды.

²¹ Федорченко и Крылов 2015: 175.

На первый взгляд глубочайшие идеологические расхождения между радикальными исламистами и бывшими силовиками из светской «Баас» оказались вполне преодолимыми, и стороны нашли общий язык по ряду ключевых вопросов. Взаимные контакты облегчило пребывание в одних и тех же местах заключения²². В итоге иракские баасисты стали важным кадровым ресурсом для «халифата», обеспечив его квалифицированными функционерами в самых разных сферах, включая

²² McBride 2019.

планирование боевых операций и формирование репрессивного аппарата для подавления сопротивления на местах.

В Сирии ИГ не могло рассчитывать на поддержку местной партии «Баас», сохранявшей лояльность Башару Асаду. В то же время гражданская война открыла перед радикальными исламистами возможности для вмешательства в сирийские события и захвата обширной территории с центром в Ракке. Помимо прочего, на этой территории располагалась значительная часть месторождений нефти и газа, попавших в распоряжение будущего «халифата» (другая часть месторождений перешла под контроль ИГ в результате наступления в Северном Ираке в июне 2014 г.). По некоторым оценкам, на пике успехов «халифата» захваченные месторождения приносили ему порядка 100 млн долларов в месяц²³.

²³ *ISIS's Financial and Military Capabilities 2014.*

Захват нефтяных и газовых месторождений, обеспечивших ИГ постоянный источник дохода и тем самым возможность заняться решением социальных и экономических проблем на подвластной территории, стал ключевой вехой в переходе группировки к реализации проекта государственного строительства. Вместе с тем нельзя исключить, что обретение контроля над этими месторождениями было одним из факторов, подпитывавших воинственность «халифата», поскольку, как полагают некоторые исследователи, «революционные петрогосударства» в принципе демонстрируют гораздо большую склонность к агрессии, чем небогатые минеральными ресурсами государственные образования²⁴.

²⁴ *Colgan 2010.*

В отличие от «типичных» непризнанных государств, становление которых обычно сопровождается переводом управления на мирные рельсы и сокращением политического влияния полевых командиров²⁵, провозглашение «халифата» и появление на его территории гражданской администрации отнюдь не уменьшили значение военного фактора в государственном строительстве. Идеологически мотивированная конфронтация с внешним миром продолжала оказывать определяющее влияние и на систему внутреннего управления, и на структуру бюджетных доходов и расходов. Помимо прибыли от захваченных месторождений, значительную роль в пополнении доходов ИГ по-прежнему играли похищения людей с целью выкупа, систематическое разграбление исторических и культурных реликвий²⁶, а также экспроприация финансовых средств в занятых городах. Оправдывая свои действия нормами шариата, «халифат» санкционировал рабство, в которое могли быть обращены не только пленные, но и все, кто не поддержал ИГ, независимо от возраста, пола, национальности и религии.

²⁵ *Caspersen 2012.*

²⁶ *Федорченко и Крылов 2015: 179.*

Внутренняя политика

В июне 2014 г. совет ИГ объявил о создании «халифата», главой (халифом) которого стал лидер группировки Абу Бакр аль-Багдади. В отличие от других непризнанных государств, источником легитимности «халифата» провозглашалась воля не народа, а Бога (воплощенная в шариате)²⁷ и всемирной мусульманской общины (уммы). «Халифат» не создал своей конституции или ее аналога, однако сформулировал

²⁷ *Özpek and Yağış 2018: 27.*

14 нормативно-законодательных принципов, регламентировавших поведение людей в соответствии с предписанной интерпретацией религиозных установлений и предусматривавших жесточайшие санкции по отношению к «вероотступникам», врагам, их пособникам и преступникам²⁸.

²⁸ Смолин 2015.

Известно, что образование *de facto* государств нередко сопровождается изгнанием представителей нежелательных этнических меньшинств (или превращением их в людей второго сорта) и фактическим переходом к этнократии. В «халифате» место этнической дискриминации заняла религиозная. Установленный там режим тоталитарной теократии строился на жестком подавлении инакомыслящих и не менее жесткой маргинализации религиозных меньшинств, принадлежность к которым в лучшем случае влекла за собой обложение дополнительной подушной податью (христиане), а в худшем означала рабство или смерть.

На верхнем уровне управления «халифатом» доминировали религиозные деятели и военные. Во главе иерархии стоял халиф, обладавший практически неограниченной властью. При нем функционировал назначаемый им из числа богословов и полевых командиров совещательный орган — Шура, — который принимал законы, оценивал решения светских властей на предмет соответствия шариату и следил за выполнением распоряжений халифа нижестоящими инстанциями. По некоторым данным, все члены Шуры были иракцами, причем значительная их часть была связана с партией «Баас»²⁹.

²⁹ *ISIS's Financial and Military Capabilities 2014.*

Военным планированием и координацией действий полевых командиров занимался Военный совет. С момента образования «халифата» и вплоть до своей гибели в 2016 г. его возглавлял гражданин Грузии чеченского происхождения Тархан Батирашвили, известный под псевдонимом Абу Умар аш-Шишани, а затем — бывший полковник таджикского ОМОНа Гулмурод Халимов, принявший имя аль-Таджикки. Три других члена Военного совета, согласно имеющимся источникам, ранее служили офицерами в армии Хусейна³⁰. Надзор за соблюдением религиозных норм и контроль над полицией и судами осуществлял Шариатский совет, состоявший из шести человек³¹. Совет разведки руководил довольно мощными и хорошо финансировавшимися спецслужбами, Совет военной помощи отвечал за содействие союзническим группировкам за рубежом³².

³⁰ *Ibidem.*

³¹ *Ibidem.*

³² Краснов 2016.

На следующем уровне управления ключевое значение имели министерства (диваны), в сферу компетенции которых входили вопросы финансов, военной политики, общественной безопасности, информации и пропаганды, здравоохранения, общественных служб, образования, сельского хозяйства, общественной морали, проповедей и мечетей, фетв и учебных пособий, взаимодействия с племенами³³.

³³ *Jones et al. 2017.*

NB! Примечательно, что если высокая роль Шуры в управлении была характерна прежде всего для эпохи «праведных халифов», то институт диванов полноценно развился только при Омейядах.

Это указывает на то, что идеологи ИГ творчески подходили к заимствованию исторических образцов, не ориентируясь на некую застывшую модель.

При сохранении значимости религиозного и военного компонентов существенное внимание на этом уровне уделялось решению социальных и экономических проблем. Пытаясь добиться расположения населения подконтрольных территорий, руководство ИГ прибегало к таким мерам, как бесплатная раздача медикаментов и питания, а также выплата пособий нуждающимся. Прилагались усилия для восстановления и поддержания нормальной работы больниц, школ, коммунального хозяйства и связи, велась борьба с преступностью³⁴. Создавались условия для развития мелкого предпринимательства: так, для открытия лавки или мастерской не требовалось никаких разрешений, регистрации и взносов. В «халифате» действовал центр защиты прав потребителей³⁵. В апреле 2015 г. ИГ обнародовало видеоролик, в котором рассказывалось о работе службы здравоохранения, названной ISHS по аналогии с британской службой NHS и имевшей похожий логотип. В видеоролике рекламировались медицинские услуги в госпитале Ракки, в частности рентгеноскопия, инкубатор для новорожденных, физиотерапия и диализ³⁶.

Оценить успешность социальной политики «халифата» довольно сложно, учитывая, что информационные материалы о ситуации в нем подвергались строгой цензуре. В период существования квазигосударства на его территорию было допущено лишь несколько западных журналистов, которые должны были соблюдать ряд жестких условий, включая временную присягу «халифу» аль-Багдади и согласие на контроль над любыми своими контактами с внешним миром³⁷.

Особое место в деятельности администрации «халифата» занимали вопросы, связанные с аккумуляцией и распределением финансовых потоков, формировавшихся за счет налогообложения, доходов от продажи нефти и антиквариата, экспроприаций на захваченных территориях, выкупов, пожертвований сторонников из других стран и иных источников. Помимо налогов, взимаемых с зарплат, проданных товаров и снятых с банковских счетов средств, налогообложение включало в себя подушную подать с иноверцев (джизью) и таможенные пошлины³⁸.

Одним из важных шагов, направленных на упрочение позиций ИГ, была работа по привлечению на сторону «халифата» лидеров местных племен, на взаимодействии с которыми специализировалось особое министерство. В условиях образовавшегося вакуума власти ИГ удалось закрепить за собой функции посредника, игравшего ключевую роль в урегулировании клановых противоречий и межплеменных конфликтов и формировании альянсов³⁹.

Вопреки стремлению ИГ стереть «колониальную» границу между Ираком и Сирией, в административно-территориальной структуре «халифата» сохранилось деление на иракскую и сирийскую территории, каждая из которых управлялась своим наместником. Эти два наместничества

³⁴ Федорченко и Крылов 2015: 175; Pla 2015.

³⁵ Александр 2015.

³⁶ Webb 2015.

³⁷ Александр 2015.

³⁸ Краснов 2017.

³⁹ Pla 2015.

подразделялись на 12 провинций (вилайятов). Некоторые из новообразованных провинций, правда, не соответствовали прежнему административному делению, а отдельные (в частности, провинция Евфрат) даже располагались по обе стороны сирийско-иракской границы (дабы продемонстрировать упразднение «линии Сайкса-Пико»)⁴⁰.

⁴⁰ *ISIS's Financial and Military Capabilities 2014.*

Несмотря на негативное отношение идеологов «халифата» к ряду компонентов национальной государственности (например, к гражданским нациям и границам), некоторые ее атрибуты все-таки заимствовались. В частности, у «халифата» был флаг, а в 2014 г. он даже пытался ввести паспорта для своих подданных⁴¹. Во многом символическое значение имел выпуск собственной валюты — динаров различного достоинства из золота, серебра и меди, — призванный, помимо прочего, подорвать «несправедливый мировой финансовый порядок». В 2015 г. динар стал единственным легальным платежным средством для населения подконтрольных «халифату» территорий. Он не мог, однако, полноценно использоваться во внешнеторговых операциях, что привело к инфляции и к широкому подпольному хождению традиционных валют⁴². Следует отметить, что по сходным причинам успешно перейти на собственную валюту смогли лишь немногие непризнанные государства (Тайвань, Сомалиленд и Приднестровье).

⁴¹ *Yashar 2014.*

⁴² *Chulov 2014; O'Leary 2019.*

Отношения с внешним миром

В отличие от других непризнанных государств, «халифат» изначально бросил вызов существующей (вестфальской) системе международных отношений, ключевым принципом которой является уважение суверенитета и границ национальных государств. Лидер ИГ аль-Багдади всячески подчеркивал, что современные государства утратили легитимность, которой обладал лишь средневековый халифат⁴³. Показательно, что «халифат» не имел специального внешнеполитического ведомства, довольствуясь учреждениями, отвечавшими за связи с зарубежными сторонниками и пропаганду. Джихадистское квазигосударство не признала ни одна страна. Впрочем, представляется вполне вероятным, что на закулисном уровне «халифат» вступал в контакты с соседними (и не только соседними) государствами, заключая неформальные торговые и политические сделки.

⁴³ *Федорченко и Крылов 2015: 177.*

Вместо курса на интеграцию в систему международных отношений «халифат» сделал ставку на легитимацию в качестве защитника и распространителя «истинного ислама» в глазах мусульман всего мира. Правда, судя по результатам опросов общественного мнения, каких-либо прорывных успехов на этом направлении его архитекторам добиться не удалось. Так, согласно одному из опросов, в 2016 г. позитивно относились к ИГ лишь 13% арабской молодежи, тогда как 78% оценивали его негативно⁴⁴. Вместе с тем ИГ заручилось поддержкой значительной части радикальных исламистских группировок, которые присягнули «халифату» на верность.

⁴⁴ *Jones et al. 2017.*

Как уже отмечалось, джихадистское квазигосударство демонстративно попирало международные нормы, санкционируя жесточайшее

насилие, рабство, дискриминацию иноверцев. Конечно, идущие вразрез с международными нормами практики встречаются и в обычных государствах, однако такие государства, как правило, избегают столь вызывающей демонстративности и хотя бы на словах заявляют о своей приверженности общечеловеческим ценностям.

⁴⁵ *Kolsto 2006: 729.*

Большую роль в экономике «халифата» играла теневая трансграничная торговля. В известной мере это можно считать типичным для непризнанных государств, нередко пользующихся возникающим вследствие непризнания международно-правовым вакуумом для решения экономических проблем⁴⁵. Специфика «халифата» ИГ в данном случае заключалась в том, что некоторые практикуемые им способы получения дохода (похищение людей с целью выкупа, разграбление исторических и культурных ценностей и т.п.) слишком явно противоречили международно-правовым нормам и общепринятой морали.

⁴⁶ *Резолюция 2015.*

С учетом этих обстоятельств неудивительно, что, несмотря всю остроту противоречий внутри мирового сообщества, оно сплоченно выступило против «халифата». В ноябре 2015 г., после террористических актов в Париже, Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой квалифицировал ИГ как «беспрецедентную угрозу международному миру и безопасности»⁴⁶. Благодаря решительным, хотя и не всегда скоординированным действиям влиятельных глобальных игроков и стран региона, а также некоторых других акторов, включая непризнанные государственные образования курдов Ирака и Сирии, в 2017 г. это антисистемное квазигосударство было ликвидировано.

Заключение

«Халифат» ИГ представлял собой во многом уникальное для современного мира образование, существенно выделявшееся на фоне других непризнанных государств. Впервые в новой истории возникло квазигосударство без нации, готовое признать своими гражданами всех политически лояльных единоверцев. Не претендуя на вхождение в число полноценных государств, оно объявило своей целью пересмотр вестфальской системы международных отношений, открыто пренебрегая общепринятыми гуманитарными нормами и принципами. «Халифат» даже не пытался выстроить сколько-нибудь систематические формальные связи с зарубежными государствами, сделав ставку на поддержку действовавших по всему миру радикальных исламистских группировок.

«Халифат» отвергал модель национального государства, не желая идентифицировать себя с фактически контролируемой территорией и создавать гражданскую нацию из ее населения, и подчеркивал свой «исламский космополитизм». Этот космополитизм был, однако, не вполне последовательным. На верхних этажах управления «халифатом» преобладали иракские кадры, а его административно-территориальная структура по-прежнему основывалась на разделении между иракскими и сирийскими территориями.

На протяжении всего существования «халифата» траекторию его развития определяли прежде всего военные нужды. При этом, в отличие от «типичных» непризнанных государств, роль войны в процессе государственного строительства несколько не уменьшалась. Не исключено, что агрессивность данного образования подпитывал контроль над огромными сырьевыми ресурсами, на некоторое время оказавшимися в его распоряжении.

Вместе с тем в ходе государственного строительства «халифату» пришлось решать и проблемы, сходные с теми, что вставали перед «обычными» непризнанными государствами. На контролировавшейся ИГ территории действовала гражданская администрация, занимавшаяся широким кругом социальных и иных вопросов. Как и в случае других непризнанных государств, одним из ответов «халифата» на международную изоляцию была теневая трансграничная торговля с использованием правового вакуума, возникшего вследствие фактического бездействия международно-правовых механизмов.

Библиография

Александр Э. (2015) «ИГИЛ и контрреволюция: рождение „Исламского государства“» // Кемаль А., сост. *ИГИЛ: Зловещая тень халифата*. М.: Алгоритм [электронная версия].

Каспэ С.И. (2018) «Чем торгует Левиафан? Критерии оценки конкурентоспособности государств на рынках спасения» // *Полития*, № 3 (90): 6—30. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-3\(90\)-6-30.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-3(90)-6-30.pdf) (проверено 27.02.2020).

Краснов Ю.К. (2016) «Феномен ДАИШ: Генезис, социальная база и цели Исламского государства» // *Публичное и частное право*, № 2: 82—90.

Краснов Ю.К. (2017) «Исламское государство: Десять лет войны за становление террористического халифата» // *Международное публичное и частное право*, № 1: 37—41.

Кузнецов В. (2015) «ИГ — альтернативная государственность? Чем объясняется притягательность радикалов для жителей арабского Востока» // *Россия в глобальной политике*, № 5. URL: <https://globalaffairs.ru/number/IG--alternativnaya-gosudarstvennost-17739> (проверено 27.02.2020).

Резолюция 2249 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7565-м заседании 20 ноября 2015 года. (2015) URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2249\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2249(2015)) (проверено 30.01.2020).

Сажин В. (2019) «Исламский халифат разгромлен, но его опасная и заразная идеология жива» // *Международная жизнь*, 11.03. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21870> (проверено 30.01.2020).

Смолин А. (2015) «Законы „Исламского государства“» // *РАПСИ*, 7.04. URL: http://rapsinews.ru/international_publication/20150407/273492851.html (проверено 30.01.2020).

Федорченко А.В. и А.В.Крылов. (2015) «Феномен „Исламского государства“» // *Вестник МГИМО-Университета*, № 2 (41): 174—183.

- Bennett A. (2015) «Daesh? ISIS? Islamic State? Why What We Call the Paris Attackers Matters» // *The Washington Post*, 25.11. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/in-theory/wp/2015/11/25/daesh-isis-islamic-state-why-what-we-call-the-paris-attackers-matters> (accessed on 27.02.2020).
- Broers L. (2013) «Recognising Politics in Unrecognised States: 20 Years of Enquiry into the de facto States of the South Caucasus» // *Caucasus Survey*, vol. 1, no. 1: 59—74.
- Caspersen N. (2012) *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. Cambridge: Polity Press [e-book].
- Colgan J. (2010) «Oil and Revolutionary Governments: Fuel for International Conflict» // *International Organization*, vol. 64, no. 4: 661—694.
- Cronin A.K. (2015) «ISIS Is Not a Terrorist Group. Why Counterterrorism Won't Stop the Latest Jihadist Threat» // *Foreign Affairs*, vol. 94, no. 2: 87—98.
- «ISIS's Financial and Military Capabilities». (2014) // *The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center*, November. URL: http://www.crethiplethi.com/files/cp_0115.pdf (accessed on 30.01.2020).
- Iskandaryan A. (2015) «In Quest of the State in Unrecognized States» // *Caucasus Survey*, vol. 3, no. 3: 207—218.
- «Islamic State» // *Oxford Islamic Studies Online*. URL: <http://www.oxfordislamicstudies.com/article/opr/t125/e1125> (accessed on 27.02.2020).
- Jones S.G., J.Dobbins, D.Byman, Ch.S.Chivvis, B.Connable, J.Martini, E.Robinson, and N.Chandler. (2017) *Rolling Back the Islamic State*. Santa Monica: RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1900/RR1912/RAND_RR1912.pdf (accessed on 28.01.2020).
- Kolstø P. (2006) «The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States» // *Journal of Peace Research*, vol. 43, no. 6: 723—740.
- Le Billon Ph. (2001) «The Political Ecology of War: Natural Resources and Armed Conflicts» // *Political Geography*, vol. 20, no. 5: 561—584.
- Lewis B. (1988) *The Political Language of Islam*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- McBride M.K. (2019) «Unforced Errors: ISIS, the Baath Party, and the Reconciliation of the Religious and the Secular» // *Politics, Religion & Ideology*, vol. 20, no. 2: 170—191.
- McDonald K. (2014) «Islamic State's „Medieval“ Ideology Owes a Lot to Revolutionary France» // *The Conversation*, 8.09. URL: <http://theconversation.com/islamic-states-medieval-ideology-owes-a-lot-to-revolutionary-france-31206> (accessed on 27.02.2020).
- Mishra P. (2015) «How to Think about Islamic State» // *Guardian*, 24.07. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/24/how-to-think-about-islamic-state> (accessed on 30.01.2020).
- O'Leary R.R. (2019) *Sharia Goldbugs: How ISIS Created a Currency for World Domination*. URL: <https://www.coindesk.com/sharia-goldbugs-how-isis-created-a-currency-for-world-domination> (accessed on 29.01.2020).
- Özpek B. and Y.Yağış. (2018) «Competitive Jihadism: Understanding the Survival Strategies of Jihadist de facto States» // *All Azimuth*, vol. 8, no. 1: 23—36.

Pegg S. (2018) «Twenty Years of de facto State Studies: Progress, Problems, and Prospects» // *Oxford Research Encyclopedias: Politics*, June. URL: https://scholarworks.iupui.edu/bitstream/handle/1805/17940/Pegg_2018_twenty.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed on 30.01.2020).

Pla G. (2015) «ISIS Caliphate: Year One» // *Reorientats*, 29.06. URL: https://reorientats.com/2015/06/29/isis-caliphate-year-one/?fbclid=IwAR3U66mTS6vIWRrYhJemmiAmpcc_YJtgYWfS2aRmNqD309fQAbIOeLDdBtU (accessed on 27.01.2020).

Rosenthal F. (1965) «Dawla» // Lewis B., Ch.Pellat, and J.Schacht, eds. *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. II: C—G. Leiden: E.J.Brill: 177—178.

Shany Y., A.Cohen, and T.Mimran. (2014) «ISIS: Is the Islamic State Really a State?» // *The Israel Democracy Institute*, 14.09. URL: <https://en.idi.org.il/articles/5219> (accessed on 28.01.2020).

Tilly Ch. (1992) *Coercion, Capital, and the European States: AD 990—1992*. Oxford: Blackwell.

Webb S. (2015) «Islamic State Health Service: Video Shows Murderous Terror Group’s Medical Services — Including NHS-style Logo» // *Mirror*, 25.04. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/world-news/islamic-state-health-service-video-5579232> (accessed on 27.02.2020).

Wood G. (2015) «What ISIS Really Wants» // *The Atlantic*, March. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/what-isis-really-wants/384980> (accessed on 31.01.2020).

Yashar A. (2014) «ISIS Issues a „Passport“ for Its „Caliphate“» // *Arutz Sheva*, 8.07. URL: <http://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/182646> (accessed on 30.01.2020).

ПОЛИТИКА

S.V.Golunov

TERRORIST “CALIPHATE” AS QUASI-STATE: PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION

Sergei V. Golunov — Doctor of Political Science; Leading Researcher at the Group on Peace and Conflict Studies, Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Email: sgolunov@mail.ru.

Abstract. The article attempts to conceptualize the “caliphate” created by the Islamic State terrorist group (IS, banned in Russia) through the lenses of the phenomenon of an unrecognized state. Comparing the “caliphate” with the bulk of the unrecognized states that exist today, the author focuses on the territorial identity of the “caliphate” of the Islamic State, the role of the military

factor in its formation, the peculiarities of its domestic policy and the specifics of its relations with the outside world.

The author's analysis shows that the "caliphate" of the Islamic State represents an entity that is in many ways unique to the modern system of international relations. Unlike other unrecognized states, it did not seek integration into the international community and openly challenged this community, encroaching on the inviolability of state borders, organizing terrorist attacks abroad and explicitly ignoring generally accepted humanitarian norms. Rejecting the model of the nation-state, the "caliphate" refused to identify itself with the actually controlled territory. Not only did it fail to make efforts to create a civil nation out of its population, but it also emphasized its "Islamic cosmopolitanism". Throughout the short history of its existence, its trajectory of state-building was largely determined by militarization and radical Islamist ideology. At the same time, similarly to other unrecognized states, the "caliphate" had to solve a wide range of problems related to the organization of management in the controlled territories and mitigation of the consequences of the lack of international recognition.

Keywords: Islamic State, caliphate, terrorism, unrecognized state, quasi-state

References

- Alexander A. (2015) "IGIL i kontrrevoljutsija: rozhdenie „Islamskogo gosudarstva"" [ISIS and Counter-Revolution: The Birth of the Islamic State] // Kemal A., comp. *IGIL: Zloveshchaja ten' khalifata* [Ominous Shadow of the Caliphate]. Moscow: Algoritm [e-book]. (In Russ.)
- Bennett A. (2015) "Daesh? ISIS? Islamic State? Why What We Call the Paris Attackers Matters" // *The Washington Post*, 25.11. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/in-theory/wp/2015/11/25/daesh-isis-islamic-state-why-what-we-call-the-paris-attackers-matters> (accessed on 27.02.2020).
- Broers L. (2013) "Recognising Politics in Unrecognised States: 20 Years of Enquiry into the de facto States of the South Caucasus" // *Caucasus Survey*, vol. 1, no. 1: 59–74.
- Caspersen N. (2012) *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. Cambridge: Polity Press [e-book].
- Colgan J. (2010) "Oil and Revolutionary Governments: Fuel for International Conflict" // *International Organization*, vol. 64, no. 4: 661–694.
- Cronin A.K. (2015) "ISIS Is Not a Terrorist Group. Why Counterterrorism Won't Stop the Latest Jihadist Threat" // *Foreign Affairs*, vol. 94, no. 2: 87–98.
- Fedorchenko A.V. and A.V.Krylov. (2015) "Fenomen „Islamskogo gosudarstva"" [The Phenomenon of the "Islamic State"] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], no. 2 (41): 174–183. (In Russ.)
- "ISIS's Financial and Military Capabilities". (2014) // *The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center*, November. URL: http://www.crethiplethi.com/files/cp_0115.pdf (accessed on 30.01.2020).

Iskandaryan A. (2015) "In Quest of the State in Unrecognized States" // *Caucasus Survey*, vol. 3, no. 3: 207—218.

"Islamic State" // *Oxford Islamic Studies Online*. URL: <http://www.oxfordislamicstudies.com/article/opr/t125/e1125> (accessed on 27.02.2020).

Jones S.G., J.Dobbins, D.Byman, Ch.S.Chivvis, B.Connable, J.Martini, E.Robinson, and N.Chandler. (2017) *Rolling Back the Islamic State*. Santa Monica: RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1900/RR1912/RAND_RR1912.pdf (accessed on 28.01.2020).

Kaspe S.I. (2016) "Chem torquet Leviafan? Kriterii otsenki konkurentosposobnosti gosudarstv na rynkakh spasenija" [In What Does Leviafan Deal? Evaluation Criteria for States' Competitiveness on "Salvation Markets"] // *Politeia*, no. 3 (90): 6—30. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-3\(90\)-6-30.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-3(90)-6-30.pdf) (accessed on 27.02.2020). (In Russ.)

Kolsto P. (2006) "The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States" // *Journal of Peace Research*, vol. 43, no. 6: 723—740.

Krasnov Yu.K. (2016) "Fenomen DAISH: Genezis, sotsial'naja baza i tseli Islamskogo gosudarstva" [DAISH Phenomenon: Genesis, Social Base and Purposes of the Islamic State] // *Publichnoe i chastnoe pravo* [Public and Private Law], no. 2: 82—90. (In Russ.)

Krasnov Yu.K. (2017) "Islamskoe gosudarstvo: Desjat' let vojny za stanovlenie terroristiceskogo khalifata [The Islamic State: The Decade of the War for the Establishment of the Terroristic Caliphate] // *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [International Public and Private Law], no. 1: 37—41. (In Russ.)

Kuznetsov V. (2015) "IG — al'ternativnaja gosudarstvennost'? Chem ob'jasnjaetsja pritjagatel'nost' radikalov dlja zhiteljev arabskogo Vostoka" [The Islamic State: Alternative Statehood? Why Radicals' Policies Are Attractive for the Middle East Arabs] // *Rossija v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], no. 5. URL: <https://globalaffairs.ru/number/IG--alternativnaya-gosudarstvennost-17739> (accessed on 27.02.2020). (In Russ.)

Le Billon Ph. (2001) "The Political Ecology of War: Natural Resources and Armed Conflicts" // *Political Geography*, vol. 20, no. 5: 561—584.

Lewis B. (1988) *The Political Language of Islam*. Chicago, London: University of Chicago Press.

McBride M.K. (2019) "Unforced Errors: ISIS, the Baath Party, and the Reconciliation of the Religious and the Secular" // *Politics, Religion & Ideology*, vol. 20, no. 2: 170—191.

McDonald K. (2014) "Islamic State's „Medieval“ Ideology Owes a Lot to Revolutionary France" // *The Conversation*, 8.09. URL: <http://theconversation.com/islamic-states-medieval-ideology-owes-a-lot-to-revolutionary-france-31206> (accessed on 27.02.2020).

Mishra P. (2015) "How to Think about Islamic State" // *Guardian*, 24.07. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/24/how-to-think-about-islamic-state> (accessed on 30.01.2020).

O'Leary R.R. (2019) *Sharia Goldbugs: How ISIS Created a Currency for World Domination*. URL: <https://www.coindesk.com/sharia-goldbugs-how-isis-created-a-currency-for-world-domination> (accessed on 29.01.2020).

Özpek B. and Y.Yağış. (2018) “Competitive Jihadism: Understanding the Survival Strategies of Jihadist de facto States” // *All Azimuth*, vol. 8, no. 1: 23–36.

Pegg S. (2018) “Twenty Years of de facto State Studies: Progress, Problems, and Prospects” // *Oxford Research Encyclopedias: Politics*, June. URL: https://scholarworks.iupui.edu/bitstream/handle/1805/17940/Pegg_2018_twenty.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed on 30.01.2020).

Pla G. (2015) “ISIS Caliphate: Year One” // *Reorientats*, 29.06. URL: https://reorientats.com/2015/06/29/isis-caliphate-year-one/?fbclid=IwAR3U66mTS6vIWRrYhJemmiAmpc_YJtgYWfS2aRmNqD309fQAbIOeLDdBtU (accessed on 27.01.2020).

Resoljutsija 2249 (2015), prinjataja Sovetom Bezopasnosti na ego 7565-m zasjednii 20 nojabrja 2015 goda [Resolution 2249 (2015) Adopted by the UN Security Council at Its 7565th Meeting on 20 November 2015]. (2015) URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2249.pdf (accessed on 30.01.2020). (In Russ.)

Rosenthal F. (1965) “Dawla” // Lewis B., Ch.Pellat, and J.Schacht, eds. *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. II: C–G. Leiden: E.J.Brill: 177–178.

Sazhin V. (2019) “Islamskij khalifat razgromlen, no ego opasnaja i zraznaja ideologija zhiva” [Islamic Caliphate Is Dead but Its Dangerous and Infectious Ideology Is Alive] // *Mezhdunarodnaja zhizn'* [International Affairs], 11.03. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21870> (accessed on 30.01.2020). (In Russ.)

Shany Y., A.Cohen, and T.Mimran. (2014) “ISIS: Is the Islamic State Really a State?” // *The Israel Democracy Institute*, 14.09. URL: <https://en.idi.org.il/articles/5219> (accessed on 28.01.2020).

Smolin A. (2015) “Zakony „Islamskogo gosudarstva“” [The Laws of the “Islamic State”] // *RAPSI* [Russian Legal Information Agency], 7.04. URL: http://rapsinews.ru/international_publication/20150407/273492851.html (accessed on 30.01.2020). (In Russ.)

Tilly Ch. (1992) *Coercion, Capital, and the European States: AD 990–1992*. Oxford: Blackwell.

Webb S. (2015) “Islamic State Health Service: Video Shows Murderous Terror Group’s Medical Services – Including NHS-style Logo” // *Mirror*, 25.04. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/world-news/islamic-state-health-service-video-5579232> (accessed on 27.02.2020).

Wood G. (2015) “What ISIS Really Wants” // *The Atlantic*, March. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/what-isis-really-wants/384980> (accessed on 31.01.2020).

Yashar A. (2014) “ISIS Issues a „Passport“ for Its „Caliphate“” // *Arutz Sheva*, 8.07. URL: <http://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/182646> (accessed on 30.01.2020).